

Глава 9. АКТУАЛИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОДА ЛЕКСИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ ФРАНЦУЗСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

В настоящей главе представлены возможности выявления социально-культурных смыслов, значимых для интерпретации духовно-нравственного содержания наследия французской и белорусской наций. Сравнению подвергнуты основополагающие компоненты системы национальных ценностей, встраиваемые в семантические единицы французского и белорусского языков. Особое внимание уделено вербальной объективации и условиям актуализации этнокультурного кода посредством лексических единиц, внешне нейтральных в плане трансляции культурной информации. Установлено, что для внутренней формы французских и белорусских номинаций со значением социальной совокупности, регулярно используемых для представления актуальных событий в жизни общества, характерны разнообразные смысловые трансформации, в том числе затухание и возрождение смысла.

9.1. Онтолингвистическая сущность национального компонента и критерии его выделения в языковой семантике

В условиях глобализации, благоприятствующей частым, или более того постоянным иноязычным контактам, современное европейское сообщество становится средой соприкосновения многих национальных культур. Важным следует признать их нацеленность и мотивацию не только мирно сосуществовать, но и адекватно реагировать на естественные процессы вхождения и влияния фактов иноязычной культуры, проявлять к ним уважение и терпимость, не занижая оценку собственной национальной культуры. Отсюда и потребность научиться понимать не только систему чужого языка, но культурно-смысловую нагрузку его единиц и структур, значимую для цивилизационного контекста. Тем более, что «речь и контекст служат естественной лингвистической лабораторией, где возможно зафиксировать все элементы плана содержания языковых единиц» [Плотников, с. 50].

Антропологи и социологи единодушны в том, что общечеловеческие переживания и стремления свойственны представителям всех этносов: все люди озабочены вопросами выживания, безопасностью, достижением целей продолжения рода и благополучия. Отсутствует также дифференциация по национальному признаку в формулировании основных потребностей и ценностных ориентаций, т.е. личность может быть одинаково направлена на определенные ценности (материальные и духовные блага, качества человека и т.д.), имея более или менее одинаковое предпочтительное отношение к одним из них [Вакульчик].

Все факты конкретного и непридуманного сущего, представляющие обыденную жизнь как французского, так и белорусского этноса, а также их

немифологизированного бытия, состоят из множества общечеловеческих универсалий. Так, несмотря на то, что родиной Декларации прав человека является Франция, название документа, созданного впоследствии на ее основе, звучит как *La Déclaration universelle des droits de l'homme* 'Всеобщая декларация прав человека'. Важно также отметить, что в ситуации общения иноязычных коммуникантов, значимым будет не только наличие единой и универсальной культурной базы, так называемой *culture générale*, но и возможность сохранения, проявления и трансляции культурных смыслов, присутствующих собственному национальному культурному пространству.

Правомерным следует признать заявление известного французского лексикографа А. Рэя о роли языка в представлении страноведческих знаний: «*Toute connaissance est acquise par le langage, toute civilisation se propage par lui*» [Rey 2005, p. XXI]. Отсюда и потребность в теоретическом осмыслении социо- и этнокультурных знаний, необходимых для образования ядра тезауруса поликультурной языковой личности, регулярно обновляемого в ходе социальных изменений, обуславливающих своевременную актуализацию этнокультурной семантики определенных его элементов. Мы полагаем, что эти содержательные элементы отражают систему социальных и духовных ценностей/антиценностей культуры, формирующих национальный код культуры. В связи с тем, что в число этнических потребностей, наряду с хозяйственно-экономическими, политическими, входят и духовные, и сами этнокультуры не находятся в изолированном пространстве, познавательный интерес к тому, чем живут и дышат, о чем думают, а также как об этом говорят соседние народы, является особенно значимым в эпоху глобализации как в теоретическом, так и в практическом планах.

К этнокультурным языковым единицам могут быть отнесены 1) собственные имена; 2) слова, обозначающие понятия-реалии, т.е. понятия, обобщающие события, качества, свойства, присущие данному народу в определенную эпоху; 3) слова, обозначающие предметы-реалии; 4) слова, коннотация которых содержит важную страноведческую информацию [Верещагин, Костомаров], в которых наиболее ярко проявляются специфические черты нации.

Однако национальный компонент в содержании языковых единиц не может определяться формально, т.е. их использованием для называния реалии. С этих же позиций, подвергая анализу семантическое описание денотативно-сигнификативного блока информации ЛЕ *apéritif*, лишенного оценочных нюансов: *boisson à base de vin (quinquina, vermouth) ou d'alcool (amer, gentiane, anis), supposée apéritive, que l'on prend avant le repas*, можем заметить, что для выхода в национальную картину мира необходима актуализация социокультурного смысла, заключенного в знании о том, что «*l'apéro – un moment de convivialité et de partage*», который и будет высвечивать ее содержание, значимое для нации. Действительно, согласно результатам опроса общественного мнения Ifop, *l'apéritif est une tradition bien ancrée dans la culture française puisque 60 % des français y tiennent énormément*

et 80 % d'entre eux le prennent régulièrement, en majorité le week-end (73 %) 'аперитив является традицией, прочно укоренившейся во французской культуре, так как 60 % французов ее очень ценят и 80 % из них ее соблюдают, в основном по выходным дням (73 %)' (здесь и далее перевод наш. – Е. Г.) (Apéricube, Communiqué de presse, 14 octobre 2016).

Несмотря на то, что типовое представление об объекте или ситуации в сознании наивного носителя языка не входит в модальную рамку значения [Михайлова], оно может закрепляться в национальной картине и отсылать к коллективному восприятию этносом социального феномена. Необходима этномотивированность представляемого объекта, т.е. обусловленность номинации особенностями мировоззренческих позиций конкретного этноса. Важно отметить, что именно этот критерий и будет определять национальную специфику коннотативного компонента ЛЕ, отражающего важные чувственно-наглядные представления нации об именуемой реалии, и формирующего ее лингвистическую ценность как реалии [Михайлова]. Действительно, денотативно-сигнификативный блок семантики отражает реальные свойства объекта, но не объективируют коллективную оценку этноса. Кроме того, о наличии в содержании культурно значимой лексики компонентов, высвечивающих ее связь с пространством культуры определенного народа, и более того, способных «регулировать сочетаемость слов в национально-культурных словосочетаниях» [Влавацкая, с. 78; Герасименко, с. 10], квалифицируемых как добавочные или несущественные, заявляли многие исследователи. В целом, данные семы следует отличать от оценочных, эмотивных, экспрессивно-образных и функционально-стилистических сем.

Например, в ходе семантической эволюции белорусской реалии арэлі значение 'прыстасаванне з укапаных у зямлю слупоў і прымацаванай зверху перакладзіны, да якой на жэрдках, металічных кольцах, скураных рамянях ці вяроўках падвешвалі шырокую дошку, на яе станавіліся (садзіліся) і гушкаліся на Вялікдзень і Купалле' [Куліковіч] было утрачено и в современной интерпретации она называет 'збудаванне, на якім гушкаюцца для забавы; гушкалка' [ТСБМ, т. 1, с. 86]. При этом на протяжении прошлого столетия белорусские лингвисты и лексикографы неоднократно заявляли о его нетипичности, неспецифичности для белорусской нации: в 1934 г. такое мнение высказал Я. Колас в статье «Язык М. Лынькова в романе "На красном льду"», в 1962 г. Я. Коморовский. А в 1969 году В. М. Юревич в статье «Оригинальное слово» утверждал, что качели известны только провинциалам – гродненцам и полешукам, а не всем белорусам. Кроме того, важным фактором, по словам Е. Рапановича, было письмо учителей из Витебска, которые в своем отзыве на «Букварь» Н. И. Снитко, просили в 1964 году: «слово "арэлі" нужно убрать из текста, потому что дети не знают, что это такое». Вместе с тем в настоящее время идет активный процесс переосмысления белорусами своей национальной идентичности. Живой интерес к культурным обычаям и традициям проявляют не только историки и этнографы, но и обычные граждане, о чем свидетельствует, например,

создание на всей территории Беларуси многочисленных объектов туризма, агроусадеб, во время посещения которых реконструируются исконно белорусские обычаи и обряды. Поэтому современные белорусские гуманитарии единодушно высказываются об этнокультурной реабилитации данной реалии, в чем, собственно, и проявляется этномотивированность. Так, Ю. Белова, победитель городского конкурса профессионального мастерства «Столичный учитель – столичное образование» (2014), сказала в интервью: «Каждый белорус должен знать такие оригинальные белорусские слова, как арэлі, сцізорык, альтанка». Действительно, ЛЕ *арэлі* входит в реестр литературных словарей, регулярно употребляется в художественных и публицистических текстах: *Ляталі-гайдалі лёсу арэлі...* (А. Вярцінскі), *На год на два разы гавелі: любілі круглыя арэлі; і варажбу, і карагод* (А. С. Пушкін. «Яўгеній Анегін», пер. А. Куляшова); входит в состав вторичных номинаций *геапалітычныя арэлі, кліматычныя арэлі*. Следует добавить, что в число языковых средств, позволяющих представлять этнокультурные смыслы, входят также единицы фразеологического, анафористического и паремиологического фонда, а также классические литературные тексты [Худолей].

Как известно, объективность результатов лингвистического исследования в сопоставительном ракурсе зависит от выбранных для сравнения оснований и эталонов. Однако для выявления лингвоспецифичности объектом изучения становятся понятия, значимые для одного этноса, и мало-важные для другого. Кроме того, выводы о сложно воспринимаемых абстрактных сущностях, познаваемых как нематериальные ценности, могут делаться сквозь призму семантики единиц, релевантных во фразеологическом фонде только одного языка.

В свете вышесказанного, имеется также определенная сложность в исследовании критериев и условий актуализации национальной специфики с помощью ЛЕ с прозрачной предметной семантикой, например, *frère*/брат или *l'Hexagone* 'Франция как шестиугольник в ее европейских границах'. Действительно, если реалии прямо называют факты чужой национальной культуры, то необходимость изучать семантический потенциал иных единиц не столь очевидна.

Другими словами, в современном мире, в котором сокращаются реальные и социальные расстояния, информация социокультурной направленности является постоянно востребованной, а для ее представления используются любые средства – от специализированных (например, фольклористики) до общего назначения. Таким образом, представление органической связи языка и культуры не обязательно предполагает наличие специфических языковых средств. Особым культурным содержанием могут быть пронизаны многопрофильные и многофункциональные, разноплановые сущности, изначально не предназначенные для трансляции такого рода информации.

Специфика коммуникации между представителями различных этнических общностей определяется, в первую очередь, расхождением культур-

ных привычек и обычаев, а также дифференциацией национального менталитета. При этом отличия обнаруживаются не столько в предметном, но особенно в духовном, абстрактном мире, в тех образах и мифах, в которых различные этносы представили свое существование [Головановская 2009].

Между тем имеются все основания продолжить ранее начатые антропологические и лингвокультурологические типологические исследования, позволяющие представить основные точки соприкосновения и расхождения национальных картин мира. Важно отметить, что сравнению могут быть подвергнуты не только способы представления конкретных объектов и предметов быта, повседневной жизни, принадлежащих наивной картине мира, но и то, что определяется как нематериальные сущности: национально-культурное наследие, система национальных ценностей и нравственных приоритетов, менталитет. Поскольку речь о культуре может идти во всех ее проявлениях – как о культуре повседневного бытия, так и об искусстве, выражающем дух нации.

Отсюда и особая трудность в их декодировании неносителем языка. Так, отражение мировоззренческих позиций французов в отношении превосходства проявляется и в лексикализации значений глагольных времен. Например, *Plus-que-parfait* референтно не только к моменту или временному промежутку выполнения действия и порядку следования, но и может представлять исключительные качества объекта. Семантика наречия *plus*, как слово, используемое для сравнения и входящее в состав грамматических конструкций степени сравнения со значением превосходства, способствует появлению нового дополнительного значения. Так, лексема *Plus-que-parfait*, была использована субъектом речи в коммерческой номинации кафе и, в первую очередь, как воспоминания о детстве в следующей ситуации общения: « *À 25 ans, cette Foyalaise a ouvert son restaurant au 24 rue Blénac en plein Fort-de-France. “ Le Plus que parfait ”. Elle a choisi ce nom car c’est au plus que parfait que l’on parle de nos souvenirs d’enfants* » ‘В 25 лет эта фуалезка открыла свой ресторан по адресу улица Бленак, 24 в центре Форт-де-Франс с названием «Более чем совершенный». Она выбрала это имя, потому что мы говорим о наших детских воспоминаниях именно как о чем-то сверхсовершенном’. Благодаря языковой игре и неправильному написанию без дефисов название ресторана понимается двусмысленно: 1) «Идеальное местечко», 2) «Как тогда, в детстве». Аналогично в нижеследующем контексте:

J’expliquais à Tobias, ici présent, à quel point l’agent Torres était le choix plus que parfait pour votre équipe ‘Я объясняла Тобиасу, находящемуся здесь, то, что агент Торрес – идеальный выбор для вашей команды’.

С этих позиций этнокультурными маркерами могут быть лексические единицы с прозрачной внутренней формой, компонентом семантики которых является осмысляемая и актуализируемая в определенных условиях культурно-дифференцирующая идеальная сущность/характеристика, которую мы трактуем как национальный компонент.

Несмотря на то, что анализ системы национальных менталитета и ценностей как абстрактных сущностей не предполагает непосредственного контакта органов чувств с познаваемым предметом, т.е. чувственного познания, выявление национальной специфики мировоззренческих феноменов разных этносов проводится в тесной связи с изучением тех семантических структур конкретных языков, в которые они встраиваются.

Например, французам свойственен дух соперничества, который проявляется в порядке трудоустройства на государственную службу и поступления в элитные высшие учебные заведения на конкурсной основе. Сравним:

concours – examen où ne sont admis qu'un nombre limité et déterminé à l'avance de candidats, qui, après classement, obtiennent une place, un prix, un titre : Concours d'entrée à l'École polytechnique 'экзамен, по результатам которого принимается лишь ограниченное число кандидатов, которые с учетом рейтинга получают должность, выигрывают грант, звания, например, вступительные экзамены в политехническую школу'.

Начитанный человек, умеющий блеснуть своими знаниями на конкурсе и, более того, прошедший специальную подготовку, метафорически именуется *bête à concours*. Отсюда в современном французском языке закрепляется модель номинации человека, обладающего определенными профессиональными качествами, через его сравнение с животным, которое способно выделиться среди других представителей своей породы стойкостью и способностью преодолевать физические трудности: *Bête de... , à... (désignant des personnes)*. При этом реальный уровень его знаний несколько ниже по сравнению с его морально-психологической выдержкой: *personne qui se distingue plus par sa capacité de réussite aux examens que par une personnalité ou un savoir véritable* 'человек, который более известен своей способностью сдавать экзамены, чем личностными качествами или компетентностью'. Сравним также: 1) *Son intelligence, cette culture générale qui lui permettait de répondre à tout. Une bête à concours, exactement : Belais aurait pu se présenter à un jeu de télévision (J.-M. Roberts, Affaires étrangères)* 'Беле обладал умом и образованностью, которая позволяла ему дать ответ на любой вопрос. Он был точь-в-точь как натасканные ученики и мог участвовать в телевикторинах'.

По вышеназванной модели образованы номинации *bête de travail* (1964) « *personne qui se distingue par la quantité de travail qu'elle fournit et obstination quelle y met* » 'человек, отличающийся адским трудолюбием, трудоголик'; « *une bête de scène, de théâtre : un, une artiste remarquable, qui se donne à fond* » 'выдающийся актер (театра, кино), популярный певец, который полностью отдает себя сцене' [Dictionnaire culturel...].

Отсюда возможно и метафорически выделить противопоставление одних общественных и политических деятелей, которые действительно знают и умеют, другим, которые не обладает данными качествами, но в большей степени стрессоустойчивы. « *Le règne des "forts en thème" et des bêtes à concours* » (G. Bouthoul. Sociologie de la politique).

Такая черта национального характера, как «быть лучшим в селекции», отличившись своими сильными сторонами, находит свое выражение в семантике лексико-грамматических форм сравнения и интенсивности, восходя к семантике *fort* ‘qui a une grande force intellectuelle, de grandes connaissances (dans un domaine), qui excelle dans la pratique (de qqch.)’. Отсюда возможно сказать «*Cette pièce est fort rare*» ‘Эта монета очень редкая’, когда прилагательное *fort* ‘сильный’ используется в качестве компонента конструкции функционально-семантической категории интенсивности. При этом его антоним *faible* ‘слабый’, имеющий значение незначительного количества или размера: *faible pourcentage* ‘небольшой процент’, *à faible hauteur* ‘на небольшой высоте’, не употребляется для выражения противоположного полюса. С другой стороны, неиспользование *faible* в качестве показателя слабой степени интенсивности признака обусловлено коммуникативной и социальной корректностью французов по отношению к слабым, проигравшим. С этих позиций имя существительное *le faible* имеет не значение ‘недостойный, проигравший’, а наоборот, ‘слабый человек, которого надо защищать, а не осуждать’, например, *protéger le faible* ‘защищать слабого’.

В белорусском языке наречие дужа как эквивалент вышеназванного *fort* также может использоваться для характеристики значительной степени проявления или оценки чего-либо как эффективного, значительного по воздействию; убедительного, впечатляющего. Однако его употребление ограничено локально, на уровне одной области: «дужа – прыслоўе абласное»: *У Миколкавым раннім дзяцінстве было многа падзей, але ці дужа іх успомніш усе* (М. Лынькоў); *Час быў дужа трывожны* (У. Корбан); *Ліпачцы дужа шкада было бабулькі* (Р. Сабаленка); а также: як дуж ‘колькі ёсць сілы, колькі змогі стае’. Нясе як дуж. Дужацца (размоўнае) ‘мерацца сілай, бароцца’: *Хлопцы збіраюцца і пачынаюць дужацца* [ТСБМ, т. 2]. Как показывает семантический анализ фразеологических, паремиологических и афористических единиц белорусского языка, этот компонент входит в семантическую структуру основания сравнения, например, в народных сравнительных оборотах:

Каса як агонь ‘Пра дужа вострую касу’.

Як пахляпень ‘Пра чалавека дужа простага, недалёкага, неадукаванага, як лапаць з вярвачным падплётам’ [Валодзіна].

Антоним *слабы* в одном из своих значений, а именно, ‘які дрэнна ведае ці выконвае сваю работу, сваю справу; які дрэнна ведае што-н., недастаткова ўмелы ў чым-н.’ выражает негативную оценку компетенций недостойного.

Вместе с тем дух лидерства и соперничества не является чертой современного белоруса в его обобщенном представлении, что, собственно, подтверждается популярностью афоризма: «Галоўнае – не перамога, а ўдзел». Как отмечает Э. С. Дубенецкий: «да станоўчых рысаў можна аднесці талерантнасць, памяркоўнасць, лагоднасць, добразычлівасць, гуманнасць, гасціннасць, вынослівасць, жыццястойкасць, працавітасць і інш., да адмоўных – нерашучасць, кансерватыўнасць» [Дубянецкі, с. 30–31]. Отсюда

и мнение о том, что одной из отличительных черт белорусского менталитета «адсутнасць у яго месіянскай свядомасці, пачуцця нацыянальнай перавагі перад іншымі народамі, нацыянальнай выключнасці» [Дубовік, с. 203].

Следует отметить, что само понятие *этнокультура* включает в себя два направления анализа его содержания: антропологический и социокультурный [Люрья, с. 144]. Первый сосредоточен на выявлении антропологических характеристик этнических обществ, которые, прежде всего, ответственны за коммуникационные проблемы, вопросы взаимодействия различных этнических групп и выявление ценностных оснований самоидентификации внутри них [Люрья]. Социокультурный анализ характеризуется изучением социокультурного окружения этнической группы, ее историческим прошлым, формированием культуры. В нашем исследовании приоритетным является именно выявление специфики языковой составляющей межкультурного взаимодействия представителей разных народов.

Важен тот факт, что понятийная система этноса неотделима от понятийной системы того языка, на котором этот этнос говорит и пишет [Голованивская 2009]. Другими словами, разноязычные, в том числе французская и белорусская, мировоззренческие системы не совпадают, в той же мере, как и не совпадают знаковые системы их языков, которые хранят, отражают, развивают эти системы.

В большинстве случаев, сопоставление номинативных единиц разных языков начинается с анализа их выразительных возможностей объективации одного и того же предметного содержания в ущерб социокультурным смыслам, которые относятся к дополнительным, необязательным для представления, а их вербальная экспликация редко предлагается в чистом виде и рассматривается как экзотизм, языковой факт чужой культуры. Несмотря на, что в последнее время наблюдается значительный рост междисциплинарных исследований в отношении национально-культурного компонента, особенности его языкового представления не входили пока в сферу интересов семантологов, для которых оно рассматривается, в первую очередь, как разновидность коннотативного значения [Мандель]. А между тем именно «национально-культурная специфика актов номинации, рассчитанных на эмотивно-аксиологический эффект, является как бы сердцевиной иерархии структур, образующих экспрессивно окрашенное наименование» [Телия]. Таким образом, социокультурный компонент лексического значения в совокупности с фоновыми знаниями входит в иерархическую структуру этнокультурного содержания языковых единиц разного уровня.

Одним из показательных противопоставлений антропологического характера, относящегося к сфере культурного взаимодействия французов и белорусов, является «открытость – закрытость». Французская нация определяет *ouverture d'esprit* 'понятливость; широкий взгляд на вещи' как одно из основных своих качеств. В отношении же мировоззренческой позиции белорусов заметим, что боязнь выйти за пределы своего пространства и начать коммуникативное взаимодействие на чужой территории

широко представлено во фразеологическом фонде белорусского языка. Изначально оставление родного дома и поездки за рубеж, где необходимо вступить в иноязычное взаимодействие, интерпретируется белорусами как угроза их материальному и духовному достоянию: *На чужыне і камар загіне; У чужой старонцы не так свеціць сонца; У чужым краю і жук – мяса; Як тут не мёд, так там не піва!; Чым за морам віно піць, лепш у Нёмане вадіцу.*

Следует признать, что отрицательное и нигилистическое отношение к чужой культуре может привести к застою в развитии когнитивной и социальной активности, интеллектуальных и коммуникативных компетенций. Отсюда правомерно оценивать положительно то, что белорусы подвергают критике свое деструктивное поведение в незнакомых местах: *Там харашо, дзе нас няма, а дзе мы набудзем, там напаскудзім.* Вместе с тем, по мнению французов, сами белорусы чрезвычайно рады принимать у себя иностранных гостей: «*Les Biélorusses sont flattés, presque émus, que des étrangers prennent le temps de visiter leur pays et s'intéressent à leur culture. L'accueil que l'on vous réservera sera inégalable. À trois heures d'avion de Paris, le dépaysement est assuré sans pourtant se sentir perdu dans ce pays qui se révélera bien plus européen que vous ne le pensiez*» 'Белорусы очень польщены, если даже не чрезвычайно эмоционально возбуждены при мысли о том, что иностранцы находят время посетить их страну и проявляют интерес к их культуре. Прием, который вы получите, будет беспрецедентным. Три часа на самолете из Парижа, а вы, находясь вдали от родины, даже не почувствуете себя потерянным в этой стране, которая окажется гораздо более европейской, чем вы думали' [Auzias]. Отношение к гостям у белорусов закреплено в поговорках: *За гасцямі і нам добра; Госцю трэба дараваць, а гаспадару прамаўчаць.*

Выявление социокультурных фактов и феноменов, специфичных для чужого этноса и несоответствующих собственной национальной картине мира, на первый взгляд, может происходить спорадически. Пусковым механизмом для необходимости декодировать скрытые социокультурные смыслы становится лакунарность. Как правило, лакмусовой бумажкой для специфичности менталитета и локальной системы отражения предметов, понятий, идей являются переводческие трудности. Отсюда и недопонимание коммуникантов, обусловленное пробелами в знании лингвокультурных сущностей и феноменов, характерных для носителей чужого языка: парадоксальное с точки зрения здравой логики и законов математики выражение *aller au quatre coins de l'Hexagone* 'во все четыре стороны, букв. в четыре угла Шестиугольника'. Или в белорусской культуре человеческая жизнь сравнивается с дорогой на ярмарку и обратно, что отражено во фразеологизме *ехаць з кірмашу*, т.е. готовиться к смерти: *Гэта ж трэба, Антось Клепча, які ўжо з кірмашу едзе, запісаўся з гэтай самай Хлёркавай Ганнай...* (М. Скрыпка. «Збоку прыпёку»). А также переосмысление такого правила движения в общественных местах, как «держитесь правее», в выражении *ездзіць на левым баку* 'парушаць нормы літаратурнай мовы', предло-

женное К. Крапивой в своей статье «Ці будзем мы ездзіць па левым баку?» (1973). Или фразеологизм (*замуж, жаніць*) *хоць у пятніцу* ‘у любы момант, у самы блізкі час’. Его первоначальное значение было ‘хоць у той дзень, калі не дазвалялася спраўляць вяселле’. По традиции в Беларуси свадьбы праздновались на протяжении длительного периода по воскресеньям, пятница же считалась нерабочим днем с языческих времен. Еще в конце XIX века, по словам С. Максимова, по пятницам не разрешалось шить, купать детей или стирать белье: «калі ў Велікарусі засталіся ў народнай памяці і ў пашане толькі тры пятніцы, у Беларусі небяспечныя і страшныя ўсе пяцьдзсят дзве».

Но большую значимость такая информация получает при обратной передаче данных, когда необходимо представить факты собственной культуры средствами чужого языка. Например, белорусская ЛЕ *памяркоўнасць* ‘1. сговорчивость, уступчивость, покладистость; 2. доброжелательность; снисходительность; 3. умеренность’, которая является лакуной для французской лексической системы. Сравним: «*Pamjarkounats – ce mot intraduisible résume la psychologie, la mentalité et le tempérament des Biélorusses. Patients, pacifiques, condescendants, raisonnables, pondérés, souples, prudents, calmes, aimables, paisibles, les Biélorusses cachent aussi une certaine réticence aux changements. Après des siècles de souffrances endurées en raison d’affrontements entre les États voisins, de changements violents provoqués par l’extérieur et d’humiliations imposées par les occupants successifs, les Biélorusses aspirent aujourd’hui à la stabilité, démontrant une capacité de résistance hors du commun*» ‘Это неперебиваемое слово обобщает психологию, менталитет и темперамент белорусов. Терпеливые, мирные, снисходительные, разумные, уравновешенные, гибкие, осторожные, спокойные, дружелюбные, мирные белорусы также склонны к определенному нежеланию перемен. После столетий страданий, причиненных в ходе столкновений с соседними государствами, насильственных изменений, причиненных внешним миром, и унижений со стороны оккупантов, сменяющих друг друга, белорусы сегодня стремятся к стабильности, демонстрируя свою необычайную стойкость’ [Auzias]. Более того, *памяркоўнасць* является лакуной и для такого близкородственного белорусскому языку, как русского: «Белорус преподает мову россиянам: “Надо было перевести слово “памяркоўнасць” – голову сломал!.. А когда даешь произвольный текст, который по большей части понять можно, но каждое третье слово – непонятное, становится ясно, что белорусский все-таки совсем не такой, как русский. В итоге объяснил смесью “смирненного, сговорчивого и податливого”. Очень специфическое слово”» (Комсомольская правда, 22.02.2018). Как видим, перевод несколько отличается от классического варианта, предложенного словарем К. Крапивы.

Кроме того, носителям языка трудно критически оценить значимость и релевантность этнокультурного компонента в семантике языковых и речевых единиц. В этом случае, как отмечает М. К. Головановская, мы с интересом открываем сами себя, удивляясь «Ну надо же, оказывается, мы объективно такие эдакие, да еще и сами не представляем, до чего мы такие

и эдакие» [Голованивская 2009, с. 10]. Отметим также, что самоидентификация культурной общности как нации – процесс достаточно проблематичный, что подтверждается фактами вариативности автонимных этнопонимов. Например, белорусы начали так называться сравнительно недавно, а именно после образования Белорусской ССР (1919). Исходное для них название Белая Русь было предложено представителями иноязычной культурной общности – европейцами в XVI в. [Беларусь, с. 18]: «У многіх кутках нашага краю людзі доўгі час называлі сваю радзіму Літвой, а саміх сябе літвінамі як этнанімічны напамінак, што яны некалі жылі ў складзе Вялікага Княства Літоўскага» [Лыч, с. 33–34]. Сравним также: «Фактычна да XX стагоддзя значная частка Беларусі неафіцыйна называлася Літвой, а жыхароў нашага краю як прадстаўнікоў новага ўсходнеславянскага этнасу – беларусаў – ідэнтыфікавалі этнонімам літвіны» [Лемцюгова, с. 26–27; Рогалеў, с. 54]. Интересен также тот факт, что, называя своих этнических неприятелей, недоброжелателей и критиков, белорусы используют смягченную номинацию: беларусаед ‘белорусоненавистник, белорусофоб’.

Аналогичное многообразие автонимных этнопонимов наблюдается при наименовании французской нации в текстах СМИ: *l’Hexagone; le pays des droits de l’homme; la Douce France; la Grande Nation; la fille aînée de l’Église; l’Intérieur*. Официальное название страны *la France*, букв. *pays des Francs*, заменило топоним *la Gaule*, романизованную область, расположенную к северу от долины Луары, и оккупированную франками.

9.2. Этноцентричность языковых средств

В самом обобщенном своем представлении этнокультурный код может пониматься как подсознательные смыслы, которые формируются у языковой личности под воздействием национальной культуры и сквозь призму которых он воспринимает себя и окружающий мир [Рапай]. Отсюда необходимость выявить степень влияния собственных мировоззренческих взглядов на межкультурную коммуникацию. При этом изучение механизма актуализации социокультурного смысла на различных уровнях знаковых систем разных лингвокультур способствует адекватному пониманию участников кросс-культурной коммуникации и их вторичной социализации.

В условиях культурной дихотомии «свой – чужой» отдельные носители национальной культуры считают свою цивилизацию «центром мира». В основе пропагандируемой ими этноцентрической точки зрения, трактуемой как самолюбование качествами и почитание своей социальной группы, лежит мнение о богоизбранности нации. Согласно концепции Льва Гумилева, французы входят в западноевропейский суперэтнос, находящийся в фазе пассионарного подъема последние полторы тысячи лет [Гумилев]. Это объясняется многими причинами – расовыми, климатическими, историческими. В качестве доказательства правомерности и истинности такого взгляда на окружающую действительность французскими исследователями

приводятся факты о естественных, нерукотворных преимуществах своей страны. К их числу можно, например, отнести также стремление ряда французских естествознателей и журналистов говорить об исключительности географического положения и естественных границ Франции. Идеальные границы, по их мнению, детерминируют своеобразие национальной картины мира.

Сравним представление в энциклопедическом издании геополитического статуса Франции:

Mille kilomètres du nord au sud, mille kilomètres de l'ouest à l'est, l'hexagone presque régulier qui porte le nom de « France » apparaît comme un bien petit territoire comparé aux géants du monde actuel. Au 37e rang par sa surface, au 13e rang par le nombre de ses habitants, la France a cependant joué, au cours des siècles qui viennent de s'écouler, et elle tient encore aujourd'hui, un rôle de premier plan dans la marche de la civilisation et des événements mondiaux. Sans faire preuve d'un déterminisme abusif, il semble juste de rechercher en partie les causes de cette supériorité dans l'étonnant territoire où a pris racine la nation française.

Territoire remarquable par sa situation au cœur de cette Europe occidentale, deux fois berceau, à deux millénaires de distance, de civilisations d'importance et d'expansion mondiales. Territoire placé au carrefour des terres émergées, ouvert à toutes les entreprises, à toutes les aventures, par sa double appartenance de bloc terrien, largement rattaché au continent voisin, l'immense Eurasie, et d'espaces maritimes que viennent battre les flots de quatre mers, chemins de toutes les rives du monde 'Тысяча километров с севера на юг, тысяча километров с запада на восток, практически правильный шестиугольник под названием «Франция» занимает небольшую территорию по сравнению с гигантами современного мира. Находясь на 37-м месте по площади, на 13-м по численности населения, Франция, тем не менее, на протяжении последних веков играла и по сей день играет ведущую роль в развитии мировой цивилизации и является активным участником в современных событиях. Не считая фактом проявления оскорбительного детерминизма, нам представляется справедливым рассмотреть причины превосходства территории, на которой проживает французская нация.

Территория, примечательная своим расположением в центре Западной Европы, дважды становясь колыбелью мировых цивилизаций с временным интервалом в две тысячи лет. Территория, расположенная на пересечении земель, открытых для всех начинаний, всем приключениям, благодаря своей принадлежности двум полусферам, в значительной степени связанная с соседним континентом, огромной Евразией и морскими пространствами четырех морей, открывают дороги по всему миру' [Dubu, p. 17].

В этой связи для называния территории чрезвычайно популярен топоним *hexagone* 'шестиугольник', а также производные от него наименования жителей страны, указывающие на практически безупречную геометрическую форму картографического контура. Не придерживаясь какой бы то ни

было националистической или шовинистической позиции, известные ученые отстаивают предопределенность географическими особенностями величия французской нации. Основатель географической французской школы Видаль де ля Бляш определяет Францию как географическое существо [Vidal de La Blache]. Фернан Бродель, член французской Академии, занимающейся вопросами французского языка, считает вклад географической семантики во французскую национальную идентичность исключительно весомым [Braudel]. Вместе с тем говорить о том, что в этноцентрических взглядах позитивные качества априори приписываются своим, а «чужим» – негативные, неправомерно. Считаем, что этноцентризм – это видение чужой действительности сквозь призму собственной национальной картины мира, через собственную систему культурных ценностей, при этом перцептивный образ чужого мира необязательно является негативным.

По причине расхождения этнически обусловленных взглядов на ту или иную реалию и используемых для нее разных языковых представлений могут возникать культурные разногласия и разночтения. При этом в ситуации общения с представителем другой культуры, в первую очередь, внимание непроизвольно обращено на различия в стиле поведения и манерах. Так, универсальный городской миф «о недалеком жителе села» находит свое этноспецифическое представление, основываясь на своеобразии внешнего вида. В белорусской культуре стереотипная оценка образа жителя села не является положительной. Например, ФЕ *як Манька з батонамі*. ‘Асудж. Пра жанчыну неахайна апранутую, нагужаную хатулямі з пакупкамі (ацэнка гараджанамі нядаўніх «калхознікаў»)’. Во французском обществе *pouc – qui a l’allure maladroite et gauche d’un paysan endimanché, qui ignore les usages* ‘провинциал, деревенщина’. Восприятие белорусских деревенских жителей сосредоточено на их неопрятном виде «мешочника», приехавшего в город за покупками, а французские селяне имеют, наоборот, нарядный вид, хотя также, с точки зрения горожан, неуклюжи и абсолютно не соблюдают общепринятых норм поведения.

Как справедливо отмечал французский поэт Ш. Бодлер, всеобщее и полное понимание между индивидами невозможно и не требуется: «*Le monde ne marche que par le malentendu. C’est par le malentendu universel que tout le monde s’accorde. Car si, par malheur, on se comprenait, on ne pourrait jamais s’accorder*» [Baudelaire, p. 704]. Данный когнитивно-коммуникативный феномен *malentendu* / ‘недопонимание’ (букв. плохо услышанный, недослышанный), трактуемый словарями как *divergence d’interprétation entre personnes qui croyaient s’être bien entendus sur le sens de certains propos, de certains actes, de certains faits*, явление универсальное, и включает в себя также недопонимание смысловой нагрузки, содержащейся в чужих реалиях.

Отсюда закономерен интерес к проблемам понимания культурной сути реалий лингвистов-дидактиков [Cariou]. Как правило, если осмысление значения французских ЛЕ или его употребления требует дополнительных когнитивных усилий от носителя языка и не входит в наивную картину мира,

то оно маркируется лексикографической пометой *didactique* (terme didactique ‘научный, специальный термин’). Примечательно, что по определению понятие *malentendu* имеет отрицательную коннотацию (*désaccord*), однако оно также производит и положительный перлокутивный эффект: *tout le monde s'accorde*, т.е. достижение всеобщего согласия ценится больше, чем простое понимание, так как оно становится возможным в результате принятия «иности» и различий, а не их отрицания.

Существующие стереотипы, негативно влияющие на межкультурное понимание, нуждаются в коррекции воспринимаемого: недослышанность с семантической точки зрения может быть уточнена. Показательно в этом отношении весьма дискуссионное, с нашей точки зрения, утверждение российских лингвистов о том, что в русской фразеологии маркированными являются такие национально-культурные ценности, как целомудрие, женская невинность, прочность семейных отношений, а во французской – ценностное отношение к таким поведенческим реалиям, как чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру [Кравцов]. Вопрос возникает именно к интерпретации набора качеств французской нации как ценностного, т.е. высоко значимого и важного для франкоязычной личности. Подобные выводы нуждаются в интерпретационной коррекции: чрезмерная свобода половых отношений, легкость измены своему партнеру французами в действительности рассматриваются как антиценности.

В опровержение приведенного выше в качестве примера этноцентрического мнения русскоязычных исследователей, высказанного с учетом их собственной национальной картины мира, в которой всякое упоминание и название неприличных действий, уже интерпретируется как совершение антинравственных поступков, мы приводим в качестве контраргумента такое устойчивое выражение, как *repos de guerrier* ‘отдых воина’. Данная номинация этимологически восходит к словам Ф. Ницше о том, что мужчина создан для войны, а женщина – для обеспечения его отдыха, и обозначает в самой примитивной интерпретации «сексуальные отношения», в действительности, называет заботливую понимающую супругу. Как видим, упрек в чрезмерной распушенности французов не имеет оснований, что собственно и подтверждает еще один культурный феномен, а именно художественная патология, именуемая *боваризм*. Его производящей основой или этимологом является французский словесный художественный женский образ Эммы Бовари. Героиня романа Г. Флобера *Мадам Бовари* (1857) страдала специфическим поведенческим расстройством – хронической эмоциональной неудовлетворенностью: она была заиклена на поиске внебрачных страстных и навязчивых отношений. Однако дальнейшая популяризация понятия, выведенного за рамки художественного произведения, характеризуется семантической генерализацией, что приводит к *затушевыванию* отрицательно воспринимаемого признака «сексуальная неудовлетворенность», вплоть до его редукции. Сравним: *bovarysme – tendance à s'imaginer autre que l'on est, à rêver un autre destin (pour une personne insatisfaite)* ‘склонность воображать

себя иным, чем есть, мечтать о другой судьбе (про неудовлетворенного человека)' [Le Petit Robert]. Отметим, что ЛЕ *bovarysme*, как и однокоренной термин *bovariste*, были предложены самим писателем и впервые употреблены в письме, написанного в защиту Мадам Бовари, в тот момент, когда шел судебный процесс в отношении Флобера за оскорбление общественных и религиозных норм морали и добрых нравов. Другими словами, французское общество отказывалось считать поведение пусть даже и вымышленного персонажа подобающим. Некоторое время спустя после описанных событий Жюль Барби Д'Авревилли предложил обозначать термином *боваризм* эмоционально-нравственную концепцию поведения, соответствующую психологическому типу Эммы Бовари [D'Aurevilly]. Ж. де Готье в своей книге (1902) определяет его «как способность человека представить себя иным, чем он есть и, в конечном счете, уйти от посредственной реальности с помощью романтического и сентиментального воображения» [Gaultier]. Важно отметить, что, по мнению А. Рэя, все слова с данным корнем, например, *bovaryste*, *bovaryque*, *bovaryser*, которые отсылают к специфическому (ненормативному) психологическому типу поведения замужней женщины, являются словами без будущего [Dictionnaire historique...].

Показательно, что представители французской нации, следуя важным и основополагающим для них принципам диалектичного рассмотрения сущности вещей, не боятся обращать внимание на свои отрицательные качества. Отсюда понятие *nombrilisme* 'склонность считать себя пупом земли', подчеркивающее чье-либо превосходство, по их мнению, не является чертой национального характера, а характеризует поведение отдельно взятой личности. Вместе с тем для французской национальной системы ценностей одной из доминант является солидарность, готовность к взаимопомощи. Так, в период социального карантина весной 2020 г. президент Французской Республики Э. Макрон пожелал французским гражданам здоровья и употребил речевую этикетную формулу «*Prenez soin de vous !*» 'Берегите свое здоровье!' более уместную для выражения заботы о близких людях, чем в контексте официального обращения. Неожиданная популярность фразы и высокая частотность ее употребления объясняется не только положительным смыслом вербального выражения заботы, но и референцией к национальным ценностям. По мнению лексикографа Жана Прюво, в условиях социального дистанцирования, рекомендованного медицинскими службами на время карантина, народ нуждался в актуализации солидарности как определенной формы единомыслия и образа жизни: французы все как один испытывают одни и те же опасения, подвергаются одним и тем же рискам. Сама же этикетная формула репрезентирует отказ от максимальной институциональности и индивидуализма в пользу коллективизма и общности.

Учитывая тот факт, что существуют явные различия между индивидуальным и коллективным коммуникативным поведением французов, можно говорить о том, что отдельно взятому французу присуща определенная

склонность к грубости и индивидуализму, трудности с соблюдением правил и иерархии, отсутствие открытости миру, отступления от коллективности, и все вышеназванные качества не релевантны для нации в целом.

В то же время одним из проявлений этноцентризма является рассмотрение обычаев «своей» группы в качестве универсальных и приемлемых как норма для всего человечества. Отсюда и постоянное напоминание французами об их авторстве Декларации прав человека и гражданина, заложившей основы конституционного права многих других стран.

Именно этноцентризм позволяет «защитить ценности и нормы своей национальной культуры от вмешательства «чужой» культурной и языковой угрозы. Особое отношение к языку как к национальному наследию ориентирует французов сохранять его чистоту не только в отношении правильных употреблений языковых форм и стилевых характеристик, но идеологического неприятия чужих слов. Во французском языке ведется огромная работа по созданию собственных эквивалентов интернациональным словам с целью сохранения идентичности французского языка. Вынужденное противостояние современной английской языковой экспансии делает французский язык открытым к новому и чужому, актуализируя их *ouverture d'esprit* 'широту взглядов'. Постоянно действующая комиссия *la Commission d'enrichissement de la langue française (CELF)* оперативно и своевременно реагирует на появление новых реалий и необходимость давать им наименования, рекомендуя гражданам заменять английские слова французскими. В месячный срок во время пандемии 2020 г. были предложены эквиваленты иноязычных неологизмов, используемых в медицине, что указывает на применение этноцентрического подхода к национальному языку и культуре.

9.3. Условия актуализации этнокультурных смыслов

Подавляющее большинство лингвокультурологов считает, что понятие национального компонента семантических структур языка неотделимо от их культурной составляющей. В ее дефиниции, в свою очередь, также имеется отсылка к этноспецифичным характеристикам: « *culture l'ensemble des usages, des coutumes, des manifestations artistiques, religieuses, intellectuelles qui définissent et distinguent un groupe, une société* » [Le petit Larousse]. Или: « *Qualité, compétence que la possession d'un savoir étendu et fécondé par l'expérience donne à une personne ou à une société dans un domaine de connaissances particulier, à une époque ou dans un lieu déterminé* » [Trésor de la Langue Française].

Вместе с тем в вышеназванных дефинициях этнокультура представлена как неизменная данность, т.е. в статическом рассмотрении. Признавая, что «з'ява етнічної культури не абавязкова абмежавана асобним етносам, яна можа быць існасцю шэрагу этнасаў як свайго ўласнага, адчуваннем эмацыянальнай і сімвалічнай сувязі людзей» [Міхайлава, с. 103]. Другими словами, для любой этнокультуры значимо чувство общности и связанности

лиц в одну группу, интеграция отдельных элементов в одно целое. Так, во Франции иммигрант, получая французское гражданство и паспорт, может полностью стать «офранцузенным», быть интегрированным во французскую нацию, придав французский характер своему иностранному имени. Процесс офранцузивания имеет место и для всех иноязычных заимствований: вместо английского написания *beefsteak* более привычное французское *bifteck*. Отсюда целесообразно выявить этноинтегрирующие и этногенерирующие факторы обобщенной и совокупной сущности этноса, т.е. с акцентом на ее динамические характеристики. Данный ракурс анализа этноспецифики реалий, перевод их из разряда застывших форм объективной данности в разряд актуальных, ключевых сущностей текущего момента в жизни этноса полностью соответствует не только гносеологической интерпретации культуры как форм человеческого поведения и деятельности [Культурология. XX век, с. 336], но и нашей исследовательской проблематике – возможности актуализации этнокультурных смыслов. Другими словами, процесс актуализации всегда опирается на рассмотрение функциональных характеристик объекта и условий их реализации. Сравним: актуализация – это процесс становления чего-н. важным; для настоящего момента, результат такого процесса. Отсюда и закрепление в содержании слов, национально и культурно маркированных, сигнификативного компонента «деятельность». Например, межкультурное взаимодействие происходит, в первую очередь, во время пребывания в другой стране, которая представляется как *paus d'accueil* ‘букв. принимающая страна’.

В целом, в семантической структуре культурно значимых слов можно выделить три профиля значений ее компонентов: *relations* ‘отношения’ – *contenu culturel* ‘культурное содержание’ – *finalité (résultat)* ‘цель (результат)’. Такие французские ЛЕ, именующие культурные феномены, как *accueil, échange, découverte, regards croisés, coopération, partage, sensibilisation, rencontre culturelle, vision, pratiques, entente, compréhension, choc culturel, acception, adaptation*, имеют в составе своего денотативно-сигнификативного блока сему ‘action’ ‘действие’.

Вместе с тем, культура – это не только деятельность, но и среда в которой она реализуется: «Культура есть “возделанная” среда обитания людей, организованная посредством специфич. человеч. способов (технологий) деятельности и насыщенная продуктами (результатами) этой деятельности» [Культурология. XX век, с. 336–338]. И даже более того, «культура – это мир “возделанных” личностей, чье сознание и поведение мотивируется и регулируется уже не столько биологическими, сколько социальными интересами и потребностями, общепринятыми нормами и правилами их удовлетворения; мир “упорядоченных” коллективов людей, объединенных общими экзистенциальными ориентациями, социальными проблемами и опытом совместной жизнедеятельности; мир особых нормативных порядков и форм осуществления деятельности и образов сознания, аккумулярованных и селектированных социальным опытом на основании критериев

их приемлемости по социальной цене и последствиям, их допустимости; <...> **мир** символических обозначений явлений и понятий, сконструированный людьми с целью фиксации и трансляции социально значимой информации, знаний, представлений, опыта, идей и т.п.; мир творческих новаций – способов и результатов познания, интеллектуальных и образных рефлексий бытия» [Культурология. XX век, с. 203–204].

Такой подход обуславливает реализацию **миросозидающей функции языка** [Кубрякова]. Поэтому для осуществления этнокультурной деятельности значимы условия или обстоятельства, иными словами – культурный контекст. Другими словами, в каких условиях коллективное сознание будет регулироваться социальными интересами или символические обозначения явлений и понятий будут передвигать социально значимую информацию. С этих позиций французское понятие *dimension culturelle* ‘букв. культурное пространство, измерение’ понимается именно как определенная система, транслируемая от одного субъекта другому посредством символов, представляющих идеи и верования.

Следует отметить, что в большинстве случаев важные семантические этнопризнаки культурного пространства, не фиксируемые регулярно, проявляются в определенном контексте. Будучи частью окружающего мира, реалия погружается в определенные жизненные и культурные ситуации, расширяя свое значение, включая в него различные детали о своем функционировании. Поэтому лингвистические и когнитивные знания о реалии правомерно актуализировать с учетом сведений о социально-культурном и историческом контексте ее существования. С этих позиций О. А. Михайлова квалифицирует исследуемые нами этнопризнаки как ситуативно-конкретизирующие лимитирующие семы [Михайлова].

9.4. Ценностное содержание как фактор актуализации этнокультурных смыслов реалий-неологизмов

Несмотря на свою очевидность, проблематика взаимосвязи структур языка и речи с фактами культуры остается актуальной в течение нескольких последних десятилетий. Любая коммуникация реализуется в границах культурного пространства (А. Ф. Журавлев, 2013). Однако его содержание не может определяться только исходя из того значения, которое имеет культурнозначимое слово, т.е. « *un fait incontestablement “ culturel ” mais abordé sous son aspect langagier (essentiellement syntaxique et sémantique) ne fera pas partie du “ contenu culturel ”* » [Rey 2007, p. 93]. При этом, несмотря, например, на важность семейных отношений или отношений родства в человеческом обществе и экстраполирование их принципов организации в лексическую систему языка, ЛЕ *père, mère, fils* еще не будут культурно значимыми. Свою культурную окрашенность данные имена приобретут в условиях расхождения употребления или этимологии в разных культурных сообществах: *oncle* по данным словаря Grand Robert имеет специальное употребление

в африканском варианте французского языка – под влиянием африканских культур слово обозначает только брата матери ‘le frère de la mère’, в то время как брат отца ‘le frère du père’ является калькированным вариантом африканских языков – père [Rey 2007, p. 93–94]. Ориентиром или указателем представления культурно значимой семантики в словарях может быть маркер специальное употребление – *spécialement* или, как указывалось выше, *didactique*.

Моделирование минимального этнокультурного фона носителя языка, обеспечивающее адекватное поведение вторичной языковой личности в иноязычном инокультурном социуме, лежит в основе создания специальных лингвострановедческих трудов, в том числе и лексикографических. Действительно, как отмечает А. Рэй, « le dictionnaire de langue, instrument pédagogique primordial, bien que trop souvent négligé, et ambassadeur discret de la culture, mériterait d’être considéré comme un genre majeur dans la vie intellectuelle d’un pays » [Dictionnaire culturel..., p. XXI]. Чрезвычайно концентрированной и насыщенной формой представления культурного знания являются лингвострановедческие или лингвокультурологические словари, которые объединяют в себе черты лингвистического словаря и энциклопедий. Симбиоз филологического и культурного описания реалий обеспечивают содержательную специфику этнолингвистического знания. С этих позиций А. Рэем созданы французский культурный словарь и исторический словарь французского языка, которые отражают семантические и функциональные особенности и развитие культурно значимой лексики, выражающей « des idées, des savoirs, des symboles en maints domaines: arts, littératures, religions, économie, politique, vie quotidienne, passions et pulsions ».

Своеобразным ответом отечественных лексикографов на данный лингвокультурологический труд и прекрасным дополнением в создании общей картины особенностей европейского культурного мировоззрения является словарь «Беларусь: лингвокультурологический комплекс». К сожалению, представленные в нем белорусские лингвокультуремы, представляют собой реалии в их традиционном понимании, а именно ономастическую лексику, содержащую топонимы (айконимы: *Минск, Брест, Витебск, Вильнюс, Гродно, Гомель, Могилев, экомузей «Дудутки», экотуристическая деревня «Березовка» в Лепельском районе, агротуристические усадьбы «Хорень» в Клястицах, «Кролова хата» в деревне Заборы Россонского района, Лошицкий усадебно-парковый комплекс в Минске*; гидронимы: *озеро Нарочь, река Вилия, каналы Агинского, Августовский, Днепро-Бугский; Березинская водная система* и т.д.) [Беларусь]. Однако для объективной интерпретации современного состояния белорусскоязычного общества и его актуальных реалий, осознания эволюционно-генетических и эволюционно-исторических основ собственной национальной идентичности в сопоставлении с инациональной, необходимо соблюдать лингвокультурологические корреляции как в статическом аспекте, так и в динамическом, обращая внимание на социо-исторический контекст что, к сожалению, не было сделано, и поэтому требует актуализации этнопризнаков.

Как отмечалось выше, деятельностный подход к рассмотрению национальной специфики реалий переводит их в разряд актуальных реалий. Наблюдая за происходящими социальными процессами французского общества со стороны, мы имеем уникальную возможность быть не только свидетелями различных исторически и социально значимых событий, но и непосредственно самого поиска слов, обозначающих актуальные реалии. В этой связи правомерно обращение к собственно языковым феноменам, в том числе и к механизму закрепления в семантической структуре подобных номинаций особого содержания, которое мы определяем как **ценностное**.

Объективируемое во французском языкознании термином *valeur*, оно в значительной степени определяется коллективным языковым сознанием и словотворчеством, которые, в свою очередь, не могут подчиняться индивидуально личностным установкам. Само ценностное содержание проявляется в условиях так называемых маркированных или аксиологических употреблений лексических единиц, обусловленных эстетическими, моральными, идеологическими ценностями нации или формирующих ее сообществ.

Понятие *valeur* ‘значение’ было введено в терминологический аппарат лингвистики Луи Фердинандом де Соссюром в начале XX века, при описании системы языка для обозначения элемента значения слова, представляющего, с одной стороны, отношение между словами и вещами или идеями, обозначаемыми ими, а с другой стороны, связь между самими словами. В настоящее время в грамматических исследованиях *valeur* синонимично термину *signification* и отсылает к категориальной сущности языковых форм и структур, например, к видовым значениям временных форм.

Одного понимания того, что *valeur sémantique – ce que signifie quelque chose, le sens qu’il exprime (ex. signification de ce proverbe)* ‘смысловое содержание – то, что обозначает что-то, смысл, который он выражает (например, значение этой пословицы)’ недостаточно для выявления аксиологически важного для данной нации семантического компонента [Sensagent].

Усредненное представление об объектах действительности и относится к базовому опыту носителей данного языка, при этом денотативно-сигнификативный блок семантики ЛЕ имеет как лингвистическую, так и когнитивную ценность [Михайлова]. Когнитивная ценность реалии обусловлена такой процедурой абстрактно-мысленного познания как *regards croisés*. Отметим, что в плане перевода французское выражение *regards croisés* представляет определенную трудность для иностранцев и часто понимается достаточно буквально – смотреть друг на друга изучающим взглядом, в то время как в действительности оно давно утратило свое первоначальное значение ‘скрещенные или косые взгляды’. Развивая семантику данного понятия, они подразумевают связанные между собой когнитивные операции взаимного восприятия и размышления о том, как видит и воспринимает своего собеседника адресант.

Однако, как отмечают Е. А. Маклакова и И. А. Стернин, в дефинициях толковых словарей часто представлены только денотативные семы, коннотативные и тем более функциональные семантические компоненты представ-

лены в толкованиях не всегда и непоследовательно, что затрудняет полное описание семантики соответствующего слова, дает неполную и недостаточно точную информацию о значении того или иного слова [Маклакова, Стернин]. Данная ограниченность или узость обзора объясняется тем фактом, что адресатом словаря является наивная языковая личность [Михайлова].

Ценностное содержание актуальной реалии обеспечивается не только специальным употреблением, но и актуализацией социокультурных смыслов. Именно игнорирование второго параметра приводит иногда к ошибочным интерпретациям национального компонента. Так, в упомянутом выше учебно-научном издании «Беларусь» в качестве реалии предлагается белорусский рубль. Но предъявляемая информация имеет сугубо научный характер: «Официальная денежная единица, которая имеет хождение на территории Республики Беларусь. В Беларуси существует сеть коммерческих банков, работающих с кредитными картами (Visa, MasterCard, American Express, Eurocard и др.), а также производящих обмен дорожных чеков (Thomas Cook, American Express, Visa) на наличные. Расчеты по кредитным карточкам в Беларуси широко не используются, карточки принимаются к оплате только в супермаркетах, крупных гостиницах. Получить по ним наличные можно круглосуточно в банкоматах, международном аэропорту, гостиницах» [Беларусь, с. 17].

Учитывая стилистическую специфику использованной лексики, а именно ее принадлежность научному стилю, и инструктивный характер сообщения, мы можем сделать вывод о представлении в словарной статье энциклопедического, а не лингвокультурологического, знания. Вместе с тем префикс EUR-, EURO-, словообразовательный формант, выделенный из ЛЕ *Europe*, *européen*, служит образованию терминов, указывающих на связь с учреждениями Объединенной Европы, Евросоюза как современной культурной реалии. Европа, по мнению М. К. Голованивской, является культурным кодом [Голованивская 2018], что обуславливает поведение, в том числе и речевое, людей, живущих на ее территории. Сравним, например, ЛЕ *Eўра* (ад лац. *Europa*). 1. При этом среди всех белорусских дериватов с данным формантом и общим сигнификативным компонентом ‘еўрапейскі, характэрны для Еўропы, Еўрапейскага саюза’: особую группу составляют одушевленные существительные: *еўрааптыміст*, *еўрабюракрат*, *еўра-дэпутат*, *еўрапарла-ментарый*, *еўрапесіміст*, *еўраскептык* и т.п. Кроме того, желание населения страны видеть себя частью Евросоюза и, соответственно, частью языкового культурного сообщества¹ закрепляется в положительной оценке общепринятого в Европе уровня, качества и т.п. Отсюда значение ‘зроблены з якасных матэрыялаў, з выкарыстаннем сучасных тэхналогій’: *еўрарамонт*, *еўрастандарт* (*І на свае кроўна зароб-*

¹ Что подтверждается тенденцией интернационализации [Лукашанец 2003а; 2003б] и тем фактом, что «актыўна ўтвараюцца складаныя словы з іншамоўнымі (часцей інтэрнацыянальнымі) кампанентамі; часта пры стварэнні новых слоў выкарыстоўваюцца іншамоўныя словаўтваральныя фарманты» [Лукашанец 2003а, с. 75–76].

ленья зберажэнні яна змагла толькі зрабіць еўрарамонт у «хрушчоўцы» (Звязда. 18.12.2002); Беларусы наступова падбіраюцца пад «еўрастандарт» (Звязда. 16.05.2003) [Беларуская лексіка..., с. 82].

Для эволюции ценностного содержания актуальных реалий значимыми оказываются не только экстралингвистические факторы, но и внутренние словообразовательные процессы. Так, греческий словообразовательный элемент *-crate* теряет свое положительное значение 'мощь, сила', вплоть до приобретения пейоративной коннотации, в составе такого неологизма в сфере административно-правовых отношений, как *eurocrate* 'еврократ, чиновник учреждений интегрированной Европы', как и в подобных ему дериватах *bureaucrate*, *technocrate*. При добавления аффикса с новым значением актуализируется новый этнокультурный смысл. Как видим, словообразовательная модель, имевшая высокую продуктивность в терминологических аппаратах финансовой, политической, военной сферах, по данным *Dictionnaire historique de la langue française*, становится таковой и в культурном пространстве, допуская разнообразные трансформации коннотативного компонента и связанного с ним ценностного содержания (положительное значение на прямо противоположное). При этом для белорусскоязычного сообщества данная реалия является лакунарной и не вошла в его культурный тезаурус.

Итак, в отношении лексических единиц правомерно говорить о релевантности ценностного содержания (*valeur*) при их актуализации в социокультурно значимом контексте, что вполне соответствует дефиниции в толковом словаре Larousse: *nuance de sens que prend un mot dans la phrase considérée* 'смысловой оттенок, который приобретает слово в рассматриваемой фразе' [Le petit Larousse].

Вместе с тем контекстуальный анализ синонимических ЛЕ, например, *violences faites aux femmes* 'насильственные действия против женщин' и *gynophobie* 'враждебное отношение к женщинам', содержащих сему *violence* 'насилие', показывает, что они не имеют одинакового ценностного содержания, и соответственно, имеют разную лингвистическую ценность. Они по-разному реализуют логико-семантические валентности предиката (в первом случае ему свойственны перфектность и пассивность, а во втором – неперфектность):

Les violences faites aux femmes touchent des femmes de tous âges et de toutes catégories sociales.

Тот факт, что в словаре 2019 г. закрепились сложная номинация *violences faites aux femmes* 'насилие в отношении женщин', а не предлагаемая активистами *gynophobie* 'женофобия' показывает, что экстралингвистические факторы, а именно, вмешательство отдельных государственных или политических институтов или политических и общественных деятелей, не оказываются достаточными для фиксации неологизмов. Очевидно, что объем и наполнение ценностного содержания ЛЕ предопределены также спецификой категориальной семантики имени существительного, объективирующего

элементы коллективного сознания или памяти, т.е. принадлежностью к тому или иному лексико-семантическому разряду. Вместе с тем при проведении семантического анализа новых номинаций, обозначающих совокупные сущности, и их типологического описания нами предлагается переместить исследовательский фокус с репрезентативной функции языка на его роль в качестве регулятора коллективного поведения.

Как правило, коллективное языковое сознание «ответственно» за семантические изменения и новые интерпретации ЛЕ, именующих события или исторические даты. Другими словами, значение ключевых мировоззренческих понятий определяется историческими фактами, событиями, эпохами, т.е. факторами влияния на соответствующие менталитеты. Не только конкретные объекты действительности (в том числе, персоналии) могут изменить или развить взгляды и представления этноса, но и абстрактные ментальные сущности, например, стечение обстоятельств, аргументы, причины, опыт, позволившие иметь иные мотивы для поступков» [Голованивская 2009, с. 57]. Доминантным социально-культурным смыслом, определяющим содержание языковых средств, представляющих французскую ментальность, была и остается, эпоха Античности, с ее представлениями о праве, частной собственности, общественной пользе, красоте формальной, телесной, интеллектуальной, с ее приверженностью гармонии, гедонизму.

Как справедливо отмечает М.К. Голованивская в другом своем исследовании базовых концептов в представлении французов, «отсутствие вакуума, содержательных вакансий на протяжении истории делало французов донорами, предлагавшими миру свои ответы и свои решения, а не реципиентами, заимствующими мировоззренческие рецепты» [Голованивская 2018, с. 184].

Как видим, возможность воздействовать и управлять коллективным сознанием различных социальных групп, как больших, так и малых, реализуется через коммуникацию. Исключительным примером того, какую роль играют языковые средства в создании национальной языковой картины мира и как они используются в качестве регуляторов и рычагов коммуникативного поведения, являются французские ЛЕ, отсылающие к общественным потрясениям мая 1968 г., и референтные к этноспецифичной нравственной категории «социальная активность». Для белорусов же правомерно говорить о таком понятии, как *памяркоўнасць*.

Вместе с тем для реализации регулирующей функции языковых единиц необходима соответствующая коммуникативно-информационная среда, которая создается в обществе, характеризующемся социальной активностью и готовностью проводить ревизию и постоянно пересматривать свою систему ценностей. В отличие от неспешного ритма темпов процесса обновления белорусской лексики, в реестры французских словарей Robert, Larousse вносятся, согласно установленной квоте, порядка 150–200 новых лексических единиц, что уже определенным образом отражает лингвокультурологическую специфику самого французского языка и имеет большую значимость

для лингвистических исследований соответствующего направления. Так, предметом активного изучения становятся не только структурные и словообразовательные, но содержательные и функциональные характеристики **неологизмов**, называющих реалии и ключевые понятия социальной жизни французов. Изменения, происходящие в содержании слов, характеризуются, прежде всего, приращением или модификацией социокультурных смыслов. Поэтому, когда новый социокультурный смысл активизирует новую логику интерпретации взаимоотношения людей и сценариев социального действия, это неизбежно отражается на вербальной «упаковке» мировоззренческого аргумента. Так, с простого тезиса, утверждающего, что «женщина тоже человек», попавшего в соответствующую информационную среду, готовую принять его дать ему убедительную упаковку и доставить его «по назначению», началась переоценка социального отношения к определенным членам общества. При этом языковые ресурсы, например, *violences faites aux femmes*, позволяют маркировать «референциально нестабильные» фрагменты социальной реальности. Именно благодаря введению данной единицы в словарь, предполагается, что будет реализовано признание проблемы преследований женщин особого рода, и начнется мобилизация и солидаризация общества для защиты жертв насилия. Убийство женщины или девушки, связанное с ее гендерной принадлежностью, является преступлением на территории Латинской Америки, но не признается таковым во Франции. Поэтому усилия французских общественных организаций, например, *Osez le féminisme*, направлены на то, чтобы номинации французских социальных реалий были зафиксированы в словаре и, тем самым, маркировали проблемные зоны общества.

Отметим, что акции по противодействию сексуальному домогательству и защите пострадавших от насилия женщин, имевшие явный успех в воздействии на коллективное сознание в разных странах, оказались малоэффективными в Беларуси. Уважительное отношение к женщине-матери – одна из основных черт мировоззренческой системы и национальной картины мира белорусского народа. Тот факт, что мать является ответственной за первоначальную аксиологическую оппозицию «хорошо – плохо», а также выполняет социальную роль воспитателя, обуславливает ценностный и культурный потенциал родственных отношений. Особая роль женщины как ответственной за продолжение рода закреплена и в лексико-семантических структурах в белорусском языке: кашаль **як бабе радзіць**; *розуму што ў Ганны – радзіць настаянна*; *як бабе цяжка радзіць, так скупому даўгі плаціць*.

Мать в Беларуси гораздо раньше стала равноправным членом общества, чем это произошло, например, во Франции. Кроме того, согласно данным социального опроса, более 90 % населения считают, что домашнее насилие (если муж бьет жену) заслуживает публичного порицания [Урбан]. Поэтому, в том этнокультурном пространстве, где еще несколько десятилетий назад женщина не могла не трудоустроиться, не открыть счет в банке без пись-

менного разрешения мужа, т.е. коллективная память французов рассматривает в качестве актуальных факты и образы домашнего насилия, легче воздействовать и мобилизовать коллективное сознание в этом отношении.

Таким образом, ценностное содержание (*valeur dénominative*) французских неологизмов-реалий, референтных к совокупным сущностям, обуславливает их функционирование в качестве регуляторов межличностных отношений и поведения в обществе. Аксиологический смысл данных ЛЕ актуализируется тогда, когда прекращено или ограничено функционирование семантического пространства синонимичных им ЛЕ. Оно формируется с учетом всех контекстуальных употреблений неологизма-реалии и характеризуется непрекращающейся динамикой его внутренней формы, допускающей объективацию смысловых оттенков, не совпадающих с зафиксированным словарным значением.

9.5. Этноспецифичность семантической эволюции обобщающих номинаций

Несмотря на то, что значительное количество исследований было проведено в этом направлении, мы обращаем свое внимание на малоизученные сегодня языковые факты, активно пополняющие современный словарь французского и белорусского языков. Действительно, новизна обобщающих номинаций социокультурных феноменов естественным образом обуславливает трудности их перевода и понимания.

Поэтому особенности, характерные для большой группы лиц, объединяемых в одну нацию, релевантны и для небольших, малочисленных группировок отдельных ее представителей. Отсюда интерес к обобщающим номинациям социальных групп. Показательным в этом отношении становится изучение лингвокультурологической специфики внешне нейтральных, этнически непрозрачных единиц тематического поля «Семья» и «Родственные отношения».

Несмотря на то, что французская национальная картина мира характеризуется содержательной наполненностью, унаследованной от материнской культуры – античности, она допускает и приветствует эволюцию ключевых понятий. Так, например, понятие семьи, как и во всей Западной Европе, берет свое начало от модели латинской (римской) семьи: сообщества неродственных субъектов (в Риме рабов-слуг, *famuli*, подчиняющихся хозяину и проживающих в его доме). В этом смысле оно дистанцируется от универсального социокультурного содержания, которое основано на родственных (биологических) связях или установленных путем бракосочетания, поскольку относится скорее к признаку места: земле, дому, очагу. Французские имена существительные *parenté* ‘родство’ и *lignée* ‘родословная’, возникшие раньше, по-видимому, лучше подходили бы современному смыслу. До сих пор возможно их употребление именно в значении ‘famille’: *pauvreté n’a point de parenté* ‘привяжется сума – откажется родня’; *il s’est*

brouillé avec toute sa parenté ‘он рассорился со всей своей роднёй’. Кроме того, *parent* имеет значение ‘родственник’: *j’ai des parents qui habitent là* ‘у меня там [живут] родственники ([живет] родня)’, *ce sont des parents par alliance* ‘это свойственники’; *c’est un parent du côté de ma femme* ‘это родственник со стороны жены’.

Итак, в традиционном понимании семья (группа биологических объектов) **нейтральна** по отношению к выражению национальной специфики. Эволюция смыслового содержания обусловлена его универсальностью для всех народов ценностной основой. Более того, на шкале ценностей она размещается в самом ее начале. Общеизвестным считается тот факт, что семья – это безусловная базовая ценность, которая понимается как культурный феномен социума, возникающий в процессе предметно-опосредованных отношений между субъектами, обладающий положительным смыслом и выступающий в качестве внутреннего регулятора человеческих действий [Михалкович]. Далее следуя этноспецифическим векторам развития, а именно в белорусской семье «семья – малая родина – страна – человечество – время», во французской от экономической до психологической, она развивает свою культурную значимость в ущерб биологической основе. Последняя сохраняет релевантность в животном и растительном мирах: *famille – l’une des grandes divisions employées dans la classification des animaux et des végétaux, qui regroupe des genres*.

Вместе с тем, абстрагирование и превалирование ценностного содержания приводит к метафоризации понятия *famille*, что эксплицируется употреблением прилагательного или детерминанта: *ensemble d’êtres (ou de choses) ayant une origine commune, des caractères communs, présentant entre eux certaines analogies*. Например, *la grande famille humaine* (→ *humanité, société*). – ***Une famille d’esprit : un ensemble de penseurs qui ont des caractères communs***. *Famille spirituelle : ensemble de personnes qui ont les mêmes opinions*. – *Famille littéraire* ‘литературная школа, литературное направление’, *famille politique* ‘люди общих политических взглядов’. Отсюда и вторичная номинация *grandes familles juridiques* ‘основные правовые системы’ с окончательной утратой значения родства и общности в пользу сложноорганизованной сущности.

Процесс развития семантики понятия *famille* и актуализация его национальных особенностей приводит к появлению социально-моральной сущности, для которой в каждом из исследуемых этносов формируется свое специфическое отношение и свои культурные мифы. Так, семема *famille* в коммерческом дискурсе приобретает положительную коннотацию и аксиологическую значимость со смыслом «предназначена для всей семьи». Так, отдельные модели просторных автомобилей были семейными автомобилями (отсюда и метонимическая номинация *une familiale* ‘семейный автомобиль’). Относительно недавно в 1973 г. появился термин *familialisme*, обозначающий тенденцию превозносить роль семьи.

Примером мифологизированного представления во французской картине мира выражение *des familles* ‘обычный, незатейливый; спокойный’ (как и прилагательное *familial* ‘семейный’) в сочетании с именем существительным, используемое сначала в коммерции, в области априори прагматически концентрированной, часто ассоциируется с простыми, несложными для понимания и использования объектами: *un petit film des familles* ‘простенький фильм’. Je m’en vais faire **une bonne petite sieste des familles**. Un petit bridge des familles, sans prétention ni gravité. Событие, происходящее в рамках семейного круга, не только ограничено в пространстве, но и имеет уменьшительное значение (*un petit gueuleton des familles* ‘посидеть по-семейному’).

Как отмечалось, выше французская нация, руководствуясь в межличностных отношениях девизом *Liberté, Égalité, Solidarité* ‘Свобода, равенство, солидарность’, характеризуется высокой социальной активностью и готовностью к оказанию взаимопомощи, к солидарности. Отсюда постоянная потребность в именовании групп людей, объединяющихся между собой в процессе выполнения совместной задачи или совместного достижения цели, или самих совместных акций и социативных ситуаций. Аналогично для современной франкоязычной семьи ценностно значимыми смыслами будут являться не только воспитательное пространство, но и отношения солидарности.

Отсюда при толковании значения выражения *esprit de famille* ‘семейственность’ в словарной статье эксплицируется сигнификативный признак «солидарность» – *de solidarité familiale*, и который, как показывает нижеприведенный контекст, может быть уточнен и интерпретирован как соблюдение правил, установленных в семье для обеспечения ее жизнедеятельности. Например: – *Et alors ? dit Ferdinand. Vas-tu parler à Cécile ? – Pour rien au monde. Seulement, il me semble nécessaire de prévenir la famille. On dira ce qu'on voudra, moi, j'ai l'esprit de famille.* ‘– И что дальше? – сказал Фердинанд, – Ты будешь говорить с Сесиль? – Ни за что на свете. Мне вот только кажется, что необходимо предупредить семью. Пусть говорят, что хотят, но я придерживаюсь семейных правил’ (G. Duhamel, *Cécile parmi nous*). На основании существования устойчивых сочетаний, таких как *esprit d'équipe* в значении ‘esprit de solidarité qui anime les personnes qui travaillent ensemble’, *esprit de corps* в значении ‘sentiment de solidarité qui unit les membres d'un groupe’ возможно выделить словообразовательную модель *esprit de + nom de l'ensemble des humains*. Вместе с тем выражение *esprit de groupe* ‘групповщина’, включающее синонимичные лексемы (*famille – groupe*) и аналогичное по модели, не имеет такой положительной коннотации. Сравним: *Esprit de famille, goût privilégié pour les relations entre les membres de la famille* [Rat].

Таким образом, для французского понятия семья конституирующим признаком является «солидарность», который определяет ее современное ценностное содержание. Сравним: « La famille est valorisée dans les sociétés traditionnelles car représentant l'unité de base de la société, mais aussi le principal

lieu d'éducation et de solidarité ». Отсюда и появление нового действующего лица в кругу семьи *aidant familial* – социального работника, лица, занимающегося на дому, в семьях уходом больных, пожилых членов. При этом во Франции такая сфера профессиональной занятости предлагает также услуги агента помощи на дому, в обязанности которого входят уборка в доме, при желании помощь в приготовлении еды, поход в магазины, в аптеки, к врачу, заполнение документов. И хотя другие члены семьи могут проживать вместе, французы считают нормальным приход такого агента-помощника на дому. Такая оплачиваемая помощь от агентства освобождает близких от хлопот в домашних делах и освобождает больше времени для общения и отдыха в кругу семьи. В иных франкофонных социумах, например, Канады, также имеется подобный член семьи: au Québec, **aidant naturel** se dit d'une personne de la famille ou d'un proche qui apporte une aide à une personne handicapé, âgée.

Фиксируемое большое количество французских неологизмов в тематическом поле «Семья» обусловлено активно происходящими социальными процессами, в то время как в Беларуси не наблюдается каких бы то ни было значительных изменений, что, соответственно, не приводит к кардинальному обновлению лексических групп исследуемого тематического поля. Исключения составляют авторские неологизмы, среди которых, например, *сацыяльна-несамавітая сям'я*, созданный М. Зарецким в 20–30-е года прошлого столетия [Прыгодзіч]. Однако появление подобных единиц обусловлено стремлением представителей молодой белорусской литературы отразить свои революционные настроения и вместе с тем романтическое мироощущение, но не обозначить социальные реалии действительности.

* * *

Таким образом, для преодоления недопонимания в международном общении представителей разных этнических групп целесообразно обращать внимание на несовпадение лингвоспецифических сущностей и феноменов. При этом следует учитывать тот факт, что отдельно взятая языковая личность, как выразитель определенного национального характера, менталитета, со своим определенным коммуникативным стилем поведения, этноцентрична при интерпретации фактов чужой культуры, что в совокупности с фактором этномотивированности определяет условия актуализации этнокультурного кода. Как свидетельствует анализ архетипов французской лингвокультуры, ее представители демонстрируют меньшее предпочтение своей группе и готовы делиться своей системой культурных ценностей с другими, интегрируя последних в свою этническую группу. Допускаемые ошибки в межкультурной коммуникации могут быть обусловлены незнанием имплицитных социокультурных смыслов актуальных реалий.

В ходе проведенного исследования было предложено расширить реестр ранее выявленных специализированных культурномаркированных единиц во французском и белорусском языках за счет числа прозрачных лексических

единиц неспециального назначения, внешне нейтральных в плане трансляции культурной информации при условии актуализации в определенных условиях в их семантической структуре национального компонента.

Французская, как и белорусская национальная система ценностей, мироощущение, историко-культурный опыт народа, в первую очередь, фиксируются в семантике как прямых, так и вторичных номинациях.

Кроме того, в ходе рассмотрения особенностей языкового представления французских и белорусских этнокультурных ценностей была раскрыта роль семантического развития в качестве фактора актуализации национального компонента семантических структур языка. К числу основополагающих социально-культурных смыслов, значимых для образно-эмоционального и духовного наследия французской и белорусской наций, относятся открытость, широта взглядов, дух лидерства и закрытость и толерантность соответственно.

Установлено, что для внутренней формы французских и белорусских номинаций со значением социальной совокупности, регулярно используемых для представления актуальных событий в жизни общества, характерны разнообразные смысловые трансформации, а именно влияния, ответные реакции, затухание и возрождение смысла, обусловленные этномотивированностью.